

Наталья Аннеева

ДАШКИНЫ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

рассказы о детях

Наталья Аннеева

**Дашкины приключения.
Рассказы о детях**

«Издательские решения»

Аннеева Н.

Дашкины приключения. Рассказы о детях / Н. Аннеева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967169-1

В этой книге рассказывается о девочке Дашке и ее друзьях, живущих в маленькой лесной деревне на берегу большой синей реки. Мир природы для них — не что-то отвлеченно-компьютерное. Они растут, с ранних лет познавая его красоту и суровую таинственность. В их восприятии мира органично сочетаются фантазия и реальность. Книга предназначена для всех, кому не безразличен мир детства.

ISBN 978-5-44-967169-1

© Аннеева Н.
© Издательские решения

Содержание

Утро Дашки	6
Лес	8
Лесные обитатели, реальные и не очень...	10
Полудница	13
Всадник на белом коне	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Дашкины приключения Рассказы о детях

Наталья Аннеева

© Наталья Аннеева, 2019

ISBN 978-5-4496-7169-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Утро Дашки

Отсветы огня играют на потолке, – это бабушка уже затопила большую русскую печь. Изба построена так давно, что гладко оструганное дерево, из которого она сложена, приобрело цвет старого мёда. Если разглядывать его долго, то в следах от сучков, в тонких извивах древесных линий можно увидеть коней с развевающимися гривами, красавиц и богатырей, лес, горы и разных чудищ.

Но это в том случае, если вы обладаете фантазией и свежим взглядом ребенка. Тогда может даже показаться, что таинственные эти фигуры вот-вот оживут и придут в движение...

Странная такая изба... Она состоит из двух половин: передней – сравнительно новой, и задней – старой. Раньше на месте передней избы была другая – вовсе старая-престарая, поставленная, по словам бабушки, при царе Горохе. Был когда-то такой царь...

У деда есть книга, напечатанная в царствование этого самого Гороха. Она тоже ужасно старая. Ее переплет стал черным от времени, края страниц тоже почернели, а уголки сделались твердыми от воска, потому что тем, кто читал, приходилось переворачивать страницы, убирая при этом попутно нагар со свечей.

Даже представить страшно, сколько рук листало эту книгу. Стоит раскрыть ее, и увидишь, какая она необычная: названия глав напечатаны затейливыми красными буквами с завитушками; над словами – странные закорючки и палочки. Они называются титлами и обозначают сокращения.

Разобраться в них может только дед, – куда уж там Дашке! В своей-то, обыкновенной, азбуке она знает еще не все буквы. Но это не потому, что она ленивая. Просто у нее столько дел каждый день, что пока не до букв. Но она их обязательно выучит, ведь ей через два года идти в школу, а там без них не обойтись.

Новую половину избы строили, когда дед был примерно такого же возраста, как сейчас Дашка. Да-да! Это теперь он седой и бородатый, а когда-то был маленьким и непослушным мальчишкой. Однажды он потянул отцовского коня за хвост, а конь рассердился и лягнул его, – на ноге деда до сих пор виден след от подковы.

Дед любит лошадей. За жизнь у него их было пятнадцать. Он хорошо помнит каждую, но особенно дорог ему конь по кличке Сарайный, ведь с ним он ушел на войну с немцами. Сарайный был гнедым, то есть коричневым, с черной гривой и хвостом, умным и послушным. Его убили на той войне.

Дверь, ведущая из сеней в избу, так низка, что взрослым приходится нагибаться, и все равно в сильные морозы с входящим человеком врывается из сеней целое облако холода. Посреди избы стоит большая русская печь, наверно, такая же, как у бабы Яги в избушке на курьих ножках, в которую страшная старуха собиралась посадить Иванушку.

Возле печи, прямо над входной дверью, – широкие и длинные полаты. На них хорошо спать, но иногда бывает немного жарко. В новой половине избы две комнаты. В переднем углу каждой – полочка с иконами, или божница. Иконы – самое красивое, что есть в избе. Они в блестящих окладах серебристого цвета. Лица Богородицы, Младенца и святых на них строги и спокойны, а большие глаза смотрят немного печально.

Столы и лавки в избе крепкие и совсем простые. Есть еще простенький комод, высокая кровать, маленький диван на изогнутых ножках и столик с бабушкиной швейной машинкой «Зингер». Да – еще несколько стульев с выгнутыми, как у довольных котов, спинками.

Сейчас в избе пахнет немного дымом и смолем – лучиной из корней сосны, которой растапливают печь. Сестренка еще спит, будить ее нельзя, поэтому Дашка лежит смирненько, разглядывает потолок и стены, ищет в линиях древесины разные фантастические фигуры... Но вот бабушка замечает, что она проснулась.

– Дашенька, иди пить молоко! – ласково зовет она.

Дашка легко соскакивает с полатей, по пути заглядывает в зев жарко пылающей печи и останавливается, раскрыв рот... В извивающихся, изменчивых языках огня она видит что-то, чему пока не в состоянии найти названия... Когда дрова прогорят, и угли замерцают, чернея, покрываясь нежным, сероватым пеплом, их заметут в угол печи, горшки и чугуны поставят внутрь, а печь закроют заслонкой. Сейчас же чугуны с картошкой, глиняные горшки со щами и молоко в кринке стоят на шестке.

Дашка любит чуть коричневатое топленое молоко с вкусной золотисто-коричневой пенкой, но оно будет готово к обеду, а утром бабушка всегда ставит перед ней большую кружку парного. На столе – тарелка с ломтями ржаного хлеба.

Бабушка усаживает Дашку. Круглое приятное лицо ее негусто покрыто морщинками, на голове – белый, в черную горошину, платок. Она черноглазая, с правильными чертами лица, красивыми темными бровями. Во всем ее облике столько спокойного достоинства, что впору и королеве. Со двора приходит дед и тоже садится за стол. Вьющаяся седая борода делает его похожим на Деда-Мороза. Дед добрый, с Дашкой они большие друзья. Деду и бабушке уже за семьдесят. Дашка – внучка от самой младшей дочери.

Тайком от бабушки дед хитро подмигивает внучке, – у них свои секреты. Он обещал ей сделать свистульку, чтобы в любое время, даже в полдень, можно было ходить в огород, не боясь Полудницы. Говорят, она терпеть не может свиста.

Бабушка тоже не любит, если кто-то свистит в избе. Она думает, что от свиста деньги не водятся. Но денег в доме и так нет, – это Дашка не раз слышала от мамы. Она снизу вверх смотрит на деда и тоже мигает – сразу обоими глазами. Дед прыскает, – уж очень уморительная рожица у внучки. Бабушка неодобрительно оборачивается к ним.

– Когда я ем, я глух и нем! – строго сообщает она.

Ненадолго воцаряется тишина. Все пьют молоко вприкуску с хлебом, а деду еще приходится есть кашу. Ведь чтобы работать, нужна сила, а сила, как уверяет бабушка, – в каше. Дашке кашу не предлагают, – утром она ее терпеть не может.

Отец и мама разговаривают во дворе. Дашка допивает молоко, и, толкнув скрипучую дверь, бежит по лестнице к ним. Мама, молодая, с красивым, строгим лицом, целует ее, наказывает не шалить и поспешно уходит, – она торопится на работу. Отец собирается идти к леснику, в соседнюю деревню.

– Пойдешь со мной? – спрашивает он.

– Пойду, пойду! – кричит девчонка, прыгая от радости. – А можно, я Ваську с собой возьму?

Васька, мохнатый комочек шерсти, пискливый и страшненький, с глазами, как у совенка, тут как тут. Этот котенок еще так мал, что любого принимает за мать и бегаёт за всеми, как собачонка. Дашка берет его на руки. Пока отец собирается, они выскакивают в огород.

Попав из сумрака крытого двора в сияние ясного раннего утра, Дашка ошеломленно замирает. Блеск и голубизна неба, яркое солнце, шум тополей и берез наполняют ее таким изумлением, радостью и восторгом, что воспоминанию об этом утре дано будет сохраниться на долгие годы, но сейчас она и не догадывается об этом.

Лес

Раз-два, раз-два! Отец идет, принаравливаясь к маленьким шажкам Дашки. Ее босые ноги то погружаются в мягкую и теплую дорожную пыль, то бегут по зеленой прохладной траве. Ей весело. Васька у нее в руках мурлычет и щурит зеленые глаза. Вот уже мелькнули последние избы деревни, и вся компания спускается по тропиночке в приречную низину, Согру.

По краю Согры течет веселая речка, спеша слиться немного погодя с сияющей синью большой реки. Говорят, речка, если перевести ее название на русский язык, называется Зайкой. Наверное, потому что она быстрая и очень симпатичная. Летом она совсем неглубокая. Скачет, журчит по перекатам, разливается по песчаным отмелям, сверкает прозрачной, холодной водой...

Мокрые камешки-гальки на ее дне блестят, как драгоценные: красные и темно-синие, белые, полупрозрачные, серые и совсем черные. На некоторых видны разноцветные узоры. Правда, когда вода с галек испарится, они становятся тусклыми, но если их опустить в воду, она вернет им прежний блеск и красоту.

Голубое небо изгибается огромным куполом, в зените темнея до синевы. По нему плывут редкие лохматые облака. Солнце поднимается все выше. Начинает немного припекать, но отец и Дашка уже подошли к речке, за которой шумит сосновый лес, манящий прохладой и свежим запахом смолы и хвои. Разувшись и закатив штанины брюк, отец берет Дашку за руку. Они входят в воду.

Мелкие, обкатанные речкой гальки щекочут и покалывают босые ноги. Вода достает отцу сначала до щиколоток, затем до половины голеней, а Дашке она быстро становится выше колен, поэтому отец берет ее на руки, хотя она сопротивляется и пищит, – ей так хочется перейти речку вброд! Васька тоже пищит – он очень боится воды.

Вода громко журчит. Пахнет травой, цветами и немного – речной сыростью, тиной и рыбой. Отец идет, легко преодолевая быстрое течение. Высоченные сосны на берегу шумят и качают ветками, запах сосновой смолы становится все сильнее.

Перейдя речку, отец и Дашка поднимаются на высокий, обрывистый берег. Тропинка покрыта сосновой хвоей и шишками, больно колющими босые ноги, поэтому отец достает прихваченные для дочки сандалии. В них можно бежать, не опасаясь острых сучков и колючих шишек.

Лес обнимает их приятной прохладой и смесью множества запахов: хвои, листьев, травы, мхов, цветов, ягод, земли и сырости; завораживает зеленоватым, сказочным светом и ровным, несмолкающим шумом деревьев.

Дашка задирает голову и видит в вышине плавно качающиеся вершины сосен и пристроившихся к ним елей и пихт. Там, где растут сосны, радостно и светло. Под ними – невысокая трава и кудрявый, похожий на олени рога мох. Ребятишки и называют его оленьим, но отец говорит, что настоящий олений мох, ягель, вовсе не такой. Зато под темными, тяжелыми еловыми лапами земля покрыта только густым слоем рыжевато-бурой хвои. Яркие пестрые мухоморы и немного схожие с ними красные сыроежки растут здесь в изобилии.

На освещенной солнцем маленькой полянке отец находит землянику. Ее так много, что он жалеет, что ничего не взял под ягоды. Они садятся на корточки и собирают душистую, сладкую землянику. Отец говорит, что она пахнет ананасом. Дашка не знает, что такое ананас, но слово ей нравится, и она начинает громко петь: «Ананас, а-на-а-нас!» Голос у нее звонкий и чистый, но слух – так себе. Отец слушает, чуть огорченно усмехается и просит ее немного помолчать.

Васька крадущимися шажками ходит по траве. Ягод он не ест и вообще не понимает, зачем они сюда пришли. Лес пугает его. Дашка между тем набирает полную горсть земляники –

с благим намерением принести ее домой. Но ягодам жарко в руке, они быстро становятся мягкими и липкими, их приходится съесть. Земляничные листья легонько шевелит ветер, солнечные зайчики скользят по стволам. Тропинка давно осталась где-то в стороне, а отец, Дашка и котенок все бродят по земляничной полянке...

Незаметно проходит время. Надо идти, но отцу жалко отрывать дочку от ягод. Он сидит на поваленном дереве и, улыбаясь, смотрит на нее. Где-то недалеко дятел долбит своим крепким клювом по древесному стволу. На соседней лиственнице появляется любопытная белка и сердито цокочет. В ветвях посвистывают птицы. Отец незаметно начинает дремать...

Неожиданный шорох заставляет Дашку насторожиться. Она поднимает голову, видит, как котенок прыжками несется куда-то, и бросается за ним. До отца сквозь дрему долетает ее голос, но мягкая лапа сна уже коснулась его... Он улыбается и, привалившись к стволу сосны, засыпает по-настоящему...

Лесные обитатели, реальные и не очень...

Тихо в лесу, только где-то белка встревоженно цокает. Котенок скачет по тропинке, а Дашка бежит за ним все дальше и дальше. Она совсем забыла, что в лесу можно заблудиться, и что в нем водятся звери, с которыми лучше не встречаться...

Вдруг ей под ноги из кустов выпрыгивает, а может, вылетает, белобокая птица с черными крыльями и черным хвостом. Раскрыв клюв, наклонив голову к земле и растопырив крылья, она замирает и смотрит во все глаза на остолбеневшую от неожиданности девчонку.

– Ты кто? – спрашивает Дашка. – Что молчишь? ...Ты говорить умеешь?

– Ка-а-а! Ка-а-а! – отвечает птица.

– А, я знаю! Сорока! – говорит Дашка. – А что тебе надо?

– Ка-а-а! – говорит птица, еще шире раскрыв желтый по бокам клюв.

– Ты есть, наверно, хочешь?

– Конечно, хочу! – отвечает птица. – Мама и папа улетели куда-то, а я так проголодался, что сейчас умру, если ты меня не покормишь!

– Ты подожди, я хлеба принесу! – говорит Дашка и поворачивается, чтобы бежать к отцу.

Но тут раздается громкий стрекот. Две большие сороки, торопливо взмахивая крыльями, подлетают к своему птенцу и с громким криком загоняют его в чашу. Дашка пробует идти за ними, но кусты больно колются и не пускают...

– Ну, что же вы так? Подождите, я вам хлеба принесу! – кричит Дашка, но птицы уже скрылись и затихли.

– Наверно, кормят своего сыночка, – думает Дашка и вдруг вспоминает о котенке...

– Васька, Васька! – зовет она, но тот не откликается.

Дашка пускается бегом по тропинке и бежит, пока та, становясь все неприметнее, вдруг не теряется в высокой траве.

– Ой, где это я? – остановившись, спрашивает девчонка.

– А это ты потерялась, девочка! – раздается противный, скрипучий голосок из-под огромного гриба-мухомора, что притаился под большой, угрюмой елью.

Дашка садится перед ним на корточки и видит, что это и не гриб вовсе, а маленький старичок с белой длинной бородой, в пестрой круглой шляпе. Старичок смотрит на нее и насмешливо улыбается.

– Вот ты и попалась! – заявляет он. – Теперь я отведу тебя к Водяному. Вон – он там, на болоте живет. Он любит таких маленьких девочек. Он их сырыми ест!

– И не боюсь я вас вовсе! – говорит Дашка, но голос у нее немного дрожит. – Меня папа спасет!

– Что ж ты убежала от своего папы? – смеется старичок. – Он тебя теперь не найдет, даже если и захочет.

– А вы откуда это знаете? – удивляется Дашка.

– Я все про тебя знаю! – говорит старичок. – Вот ты котенка ищешь, а он на дереве сидит. И слезать не думает! Его белка в гости зазвала!

– А как вас зовут? – спрашивает Дашка.

– Зем я! Зем! – кричит старичок сердито. – Что, тебе про меня не рассказывали?

– Нет! – говорит Дашка, сокрушенно вздыхая.

– Про кого же из нас, лесных, тебе говорили?

– Про бабу Ягу!

– А, про нашу летчицу! О, да! Она у нас знаменитая!

– Летчики на самолетах летают, а ваша Яга – на ступе! Какая же она летчица? ...А вот мой папа самолеты делать умеет! – хвастает Дашка.

– Так на самолете любой дурак летать может, а ты на ступе попробуй! – говорит старичок и вздыхает. – Ну, что мне с тобой делать? Пошли, что ли, отведу тебя к отцу, может, он и мне самолет сделает!

– Как же он его в лесу делать будет? Это на завод надо ехать, в город! – возражает Дашка, но идет за старичком. Однако тот бежит так быстро, что она отстает и оказывается одна на еле заметной тропинке.

– Эй, подождите меня, пожалуйста! – кричит она. Но в ответ раздается только скрипучий смех. А может, это скрипит полуупавшее дерево, навалившееся на свою соседку-ель...

Дашка оглядывается по сторонам и наконец понимает, что она на самом деле заблудилась. Но вокруг так светло, так нарядно белеют березы, так плавно покачиваются высокие сосны! Зеленеют мох и трава, выглядывают из них яркие ягоды и пестрые грибы. Дашке кажется, что в таком красивом месте ничего плохого случиться не может, и поэтому ей вовсе не страшно. Она недолго думает и решает идти все прямо и прямо.

– Топ, топ, топ! – поет она, вприпрыжку шагая между деревьями...

И вдруг – фрррр!!! Из-под ее ног взлетает пестрая небольшая птичка. Дашка наклоняется и видит на земле среди травы устланное пухом маленькое гнездо, а в нем – совсем голенького птенца с огромным раскрытым клювом. Кажется, он весь состоит из этого клюва. Но на самом деле это не так: у него есть и малюсенькое туловище, и крохотные крылья. Глазки у него закрыты, но, похоже, он чувствует, что рядом кто-то есть, и еще шире открывает клюв, жалобно пища.

Дашке хочется взять его на руки, но снова появившийся откуда-то Зем дергает ее за платье и страшно шипит: «А ну, пошли отсюда! Ты что, хочешь, чтобы его родители бросили, и он от голода умер? Нельзя птенцов трогать, запомни это! Пойдем! Его мама вернется, если ты не будешь к нему прикасаться!»

Дашка испуганно отдергивает протянутую, было, руку и идет за старичком. Тот опять ныряет куда-то в гущу ветвей, и вскоре они выходят на широкую, прямую тропу.

«Иди все по этой тропинке, а я отца к тебе приведу!» – говорит Зем и исчезает в чаще.

Дашка медленно бредет и вдруг слева, под высокой сосной, замечает больших, серых в крапинку птиц. Они клюют ягоды, но, увидев ее, удивленно вытягивают длинные шеи и тяжело взлетают, громко хлопая крыльями.

– Ой, кто это? – спрашивает Дашка.

– А это тетерки! – говорит кто-то у нее над ухом.

Дашка оборачивается и видит маленькую старушку. Дашка ее знает. Это Сергеевна, живущая в деревне, по соседству. Она вечно пропадает в лесу: то ягоды и грибы собирает, то траву какую-то...

– А ты с кем здесь? С отцом? Или с бабкой?

– С папой. Он там, – Дашка машет рукой куда-то наугад. – Зем его приведет, он за ним пошел.

– А ты откуда про Зема-то знаешь? Видала его, что ли?

– Ага! Вот сейчас только видала!

Сергеевна качает головой и берет ее за руку. Дашка дергает руку, но старуха крепко держит ее.

– А ну, пойдем со мной! А то тебя здесь волки съедят! – говорит она. – Смотри, вон они бегут!

И, правда: за кустами мелькают облезлые серые звери, похожие на больших собак. Они трусят друг за другом, не обращая внимания на людей, только бегущий последним быстро оглядывается и поджимает хвост.

– Ой! Они Ваську съедят! – кричит Дашку, дергая руку. – Он тут где-то!

Но Сергеевна не отпускает ее, хотя девчонка вырывается изо всех сил. И в этот момент из-за деревьев выходит отец с котенком в руках. Он встревожен и сердит.

– Ну, слава Богу! – говорит он с облегчением. – Ты почему убежала? Больше никогда так не делай!

– Пап! А тебя вправду Зем привел? – спрашивает Дашка.

– Ну, конечно! Кто же еще? – говорит отец, здороваясь с Сергеевной. Они разговаривают, но недолго. Времени уже много, и надо спешить.

Как они дошли до избушки лесника, что делали и как возвращались домой, Дашка не запомнила, – очень уж она устала. Но когда ее уложили спать, и она закрыла глаза, перед ней долго мелькали листья земляники, какая-то трава и ветви елей и сосен. Потом откуда-то появился Зем; пролетели, тяжело хлопая крыльями, тетёрки; мелькнуло улыбающееся лицо Сергеевны... А потом она крепко-крепко уснула...

Полудница

– Куда это ты собралась, Дашенька? – спросила бабушка, столкнувшись с Дашкой у двери в огород.

– На черемуху, бабушка! Она поспела уже!

– Так уж солнце высоко. Жара такая! Полдень, а ты – в огород! Хочешь, чтобы голову напекло? В полдень отдыхать надо.

– Не напечет!

– А про Полудницу забыла? Охота, чтобы она заманила тебя куда-нито?

– Не заманит! Я как засвищу... Ой! Крикну... Она испугается!

– А! Дед тебе свисток для этого делал? Вот я ему, старому! – рассердилась бабушка. – Ну-ка, домой беги, кому сказано!

– Ну, бабушка! Ну, пожалуйста! – заканючила Дашка. – Да и нет ее вовсе, этой Полудницы! – Выдумки это одни, – так папа сказал!

– Ах, какая ты умная стала! С бабушкой споришь. Выдумки! А не я ли Маняшу из воды вытаскивала, когда ее Полудница заманила?

– Как это – заманила?

– А вот пойдем-ка, я расскажу! – бабушка взяла Дашку за руку и повела в избу.

Там было тихо и чисто. Тикали часы-ходики, блестел самовар на столе, белели оконные занавески. В открытое окно веяло прохладой, потому что липы за окнами давали густую тень. Бабушка села к столу и налила квасу себе и Дашке. Рассказывать она явно не торопилась.

– Бабушка! Ты ж рассказать хотела про Маняшу и про Полудницу...

– Так ты же в Полудницу не веришь!

– Верю, верю! Ты рассказывай!

– Ну, слушай! – бабушка отставила чашку. – Полудница – это девка такая... Вроде русалки. Только русалки в речке али в озере живут, а полудницы – в полях да в огородах. Ране-то все про них знали. А вы растете, как слепыши, одно кино да книжки на уме... Вот слушай, что у нас в Хмелёвке было: пошла раз соседка наша, Стеша, рожь жать, да в самую жару, в полдень, одна в поле и осталась...

Хмелевка – маленькая деревушка, в которой родилась и выросла бабушка. Она стоит себе одна-одинешенька у небольшой горы, заросшей мелким ельником и вересом. Из горы бьют холодные и прозрачные ключи. Летом там поспевают земляники, в изобилии растут рыжики. Под горой течет маленькая речка – Хмелевочка. Изба, в которой родилась бабушка, еще очень крепкая, хоть ужасно старая. Дашка гостила в Хмелевке прошлым летом и подружилась там с Таней и Славиком, своими троюродными братом и сестрой, почти ее одногодками.

Маняша – тоже ее сестра, но двоюродная. Она взрослая, живет с родителями в городе и учится на врача. Когда она приезжает в гости к деду и бабушке, то страшно важничает, потому, что считает себя ужасно умной. Она уж точно ни в какую Полудницу не поверит...

– Даша! Ты меня слушаешь? – спрашивает бабушка, заметив, что внучка отвлеклась.

– А? Да, я слушаю. Ты рассказывай!

– Ну, вот! Пить она захотела, Стеша-то, и пошла к меже квасу испить. У нее там баклажка стояла. Вдруг видит: девка какая-то идет! Баская, высокая. Волосы распущенные, длинные – ниже пояса, и золотятся, что твоя рожь... А лик-от у ей так и горит, так и светится. Подошла она и говорит:

– Дай-ка и мне, бабонька, напиться!

Стеша ей баклажку-то и подала. А она взяла, да как хватит о землю, – квас разлился весь. А девка оборотилась да исчезла, как не бывало вовсе! Хотела Стеша посмотреть, куда она девалась, а голову поворотить не может...

– Ну, бабушка, ты обещала про Полудницу и Маняшу, а сама про какую-то девку рассказываешь...

– Так это ж и была Полудница, глупая! Стеша потом долго шею не могла повернуть, так она ей голову завертела. Ладно, хоть до смерти не защекоотала!

– А про Маняшу когда?

– Про Маняшу? Ну, ладно. Слушай про Маняшу. Это она сейчас у нас такая важная да умная, а маленькой была озорная, непослушная, вот как ты. А мы с дедом ее шибко любили, ведь первая она у нас внучка-то...

Бабушка задумалась, замолчала, очевидно, вспоминая Маняшины шалости.

– Бабушка, дальше рассказывай! Как все было?

– А? Да как? Раиса-то, мать ее, во дворе работала, Маняша тут же крутилась. Не усмотрела она, – Маняша и убеги в огород. Да в самый полдень, вот как ты сегодня. А там, в огороде-то, Полудница ходила, горох стерегла. Увидала она Маняшу и заманила к яме, что под ивами, из которой мы воду для полива берем... Хватились Раиса – нету ребенка! Она – туда, сюда – нет нигде. Мы с дедом тоже бросились Манечку искать. Я в огород выскочила. Гляжу – нет ребенка! Я к яме побежала – вот как сердце чуяло! Смотрю, а Манечкины волосенки, светлые, вот как у тебя сейчас, да длинные, по воде плывут. Саму-то ее и не видно вовсе. Яма-то ведь глубокая! Как я это увидела, прыгнула в воду, нырнула и под водой шарю, ищу. Насилу нашла! Вынырнула и Маняшу вытащила. А тут дед подоспел, помог нам выбраться. Насилу мы ее откачали... Ладно, жива Манечка осталась.

– Бабушка, как хорошо, что ты плаваешь!

– Плаваю? Нет, я плавать совсем не умела и не умею. На нашей Хмелевочке где ж научишься? Ее курица вброд перейдет.

– А как же ты не побоялась тогда в яму прыгнуть?

– Так бояться-то некогда было... Я и не думала об этом, бояться-то...

Бабушка замолчала. Ее смугловатое лицо немного побледнело... Дашка хотела, было, снова спросить про Полудницу, но открылась дверь, и вошел дед. Он мельком взглянул на Дашку и улыбнулся:

– Что это тебе бабушка бает?

– Про Полудницу, деда, и про Маняшу.

– Вот-вот, Иван! Ты ей свисток-от сделал, а она в огород с им отправилась. Одна. Долго ли до беды, как с Маняшей?

– Ну, Дашутка у нас уже большая. Она к воде не полезет. Правда?

– Правда, деда! – как-то не очень уверенно ответила Дашка.

– Я скажу твоему отцу, пусть тебя плавать научит.

– Я и так уже почти умею. По-собачьи.

– Это тебя Верный научил, не иначе! – хмурясь, сказала бабушка. – Дело ли девчонке с собакой бегать день-деньской? Ты ведь не мальчишка. Вот я матери твоей пожалуюсь!

– Не верь, Даша! Бабушка только притворяется сердитой, – сказал дед, поглаживая усы и бороду. На самом деле она у нас добрая и красивая. Правда?

– Правда, деда! – ответила Дашка.

Всадник на белом коне

Дашка ужасно любит лошадей. В этом есть что-то атавистическое. Она любит их с первых лет жизни. У ее бабушки, черноглазой и в молодости замечательно красивой, в жилах есть явная примесь азиатской крови. Глядя на нее, невольно вспоминаешь Чингизхана, всадников на полудиких конях, лязг сабель...

Приходится ли удивляться, что белобрысая и голубоглазая, но скуластенькая, похожая на хорошенькую калмычку, Дашка не может пройти мимо самой замухрышистой лошади без того, чтобы не погладить ее по гриве, не прикоснуться ладошкой к мягким, бархатным губам?

А еще она их постоянно рисует. Рисование – ее вторая страсть. Лошади на рисунках Дашки получаются, как живые. Она изображает их в разных позах и ракурсах: пасущихся, играющих друг с другом, несущихся, сломя голову, с развевающимися гривами и хвостами. Иногда ей удается замечательно передать движение...

Дед часто берет ее с собой на конный двор. Она залезает в стойла к лошадям, кормит их хлебом, заплетает гривы. А когда дед, наговорившись со знакомыми, выводит лошадь и помогает ей сесть верхом, она бывает счастлива.

Если исключить любовь к лошадям и рисованию, Дашка – обыкновенная девчонка. Как все деревенские дети, летом она купается в речке, загорает на песчаном берегу, ходит в лес по ягоды и грибы. Но вот однажды случилась с ней странная история...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.